

EUROPEAN RESEARCHER Series A

Has been issued since 2010.

ISSN 2219-8229, E-ISSN 2224-0136.

2016. Vol.(109). Is. 8. Issued 12 times a year

Impact factor of Russian Science Citation Index 2014 – 0,415

Information Matrix for the Analysis of Journals ICDS 2016 – 5,800

EDITORIAL BOARD

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation (Editor in Chief)

Bazhanov Evgeny – Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Beckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Goswami Sribas – Serampore College, West Bengal, India

Dogonadze Shota – Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia

Krinko Evgeny – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russian Federation

Malinauskas Romualdas – Lithuanian Academy of Physical Education, Kaunas, Lithuania

Markwick Roger – School of Humanities and Social Science, the University of Newcastle, Australia

Md Azree Othuman Mydin – Universiti Sains Malaysia, Penang, Malaysia

Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Müller Martin – University St. Gallen, St. Gallen, Switzerland

Ojovan Michael – Imperial College London, UK

Ransberger Maria – University of Bayreuth, Bayreuth, Germany

Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИИ № ФС77-50466 4 July 2012.

Journal is indexed by: **Academic Index** (USA), **CCG-IBT BIBLIOTECA** (Mexico), **DOAJ** (Sweden), **Galter Search Beta** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic Journals Index** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **ExLibris The bridge to knowledge** (USA), **Google scholar** (USA), **Index Copernicus** (Poland), **math-jobs.com** (Switzerland), **One Search** (United Kingdom), **Open J-Gate** (India), **Poudre River Public Library District** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Research Gate** (USA), **The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army** (China).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://erjournal.ru/en/index.html>

E-mail: evr2010@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 25.8.16.

Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 5,1. Ysl. pech. l. 5,8.

Order № 109.

© European Researcher. Series A, 2016

EUROPEAN RESEARCHER. Series A

2016

Is.

8

Издается с 2010 г.
 ISSN 2219-8229, E-ISSN 2224-0136.
 2016. № 8 (109). Выходит 12 раз в год.
 Импакт-фактор РИНЦ 2014 – 0,415
 Information Matrix for the Analysis of Journals ICDS 2016 – 5,800

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Черкасов Александр – доктор исторических наук, Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация (Главный редактор)
Бажанов Евгений – доктор исторических наук, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, Москва, Российская Федерация
Бекман Йохан – доктор права, Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Бирюков Павел – доктор юридических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация
Госвами Шрибас – доктор психологии, Серампур колледж, Западная Бенгалия, Индия
Догондзе Шота – доктор исторических наук, Грузинский технический университет, Тбилиси, Грузия
Кринко Евгений – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Малинаускас Ромуальдас – доктор педагогических наук, Литовская академия физической культуры, Каунас, Литва
Марвик Роджер – доктор истории, Школа гуманитарных и общественных наук, Университет Ньюкасла, Австралия
Мд Азри Отхуман Мудин – кандидат экономических наук, Университет Малайзии, Пенанг, Малайзия
Меньковский Вячеслав – доктор исторических наук, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Мюллер Мартин – кандидат экономических наук, Университет Санкт Галлен, г. Санкт Галлен, Швейцария
Ожован Михаил – доктор физико-математических наук, Имперский колледж Лондона, г. Лондон, Великобритания
Рансбергер Мария – кандидат экономических наук, Байротский университет, Байрот, Германия
Шмигель Михал – доктор истории, Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50466 от 4 июля 2012 г.

Журнал индексируется в: Academic Index (США), CCG-IBT BIBLIOTECA (Мексика), DOAJ (Швеция), GaltersBeta (США), EBSCOhost Electronic Journals Service (США), Electronic Journals Index (США), ExLibris The bridge to knowledge (США), Google scholar (США), Index Copernicus (Польша), math-jobs.com (Швейцария), Научная электронная библиотека (Россия), Open J-Gate (Индия), ResearchBib (Япония), ResearchGate (США), The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army (Китай) и др.

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
 ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
 Сайт журнала: <http://erjournal.ru/>
 E-mail: evr2010@rambler.ru

Подписано в печать 25.8.16.
 Формат 21 × 29,7/4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
 издательский дом "Исследователь"» - Academic
 Publishing House Researcher

Гарнитура Georgia.
 Уч.-изд. л. 5,1. Усл. печ. л. 5,8.
 Заказ № 109.

C O N T E N T S

Features Consolidation and the Right to Freedom Personality in Law of Modern Russia Alexander Kalyuzhnyi	450
Religious Studies and Anti-Religious Propaganda in USSR in 1920-1930s Marianna M. Shakhnovich	456
The Concept of "Decentralization" and its Various Interpretations Habiba M. Zhurabekova	462
Genesis and Foredoom of Digital Books Milena I. Tsvetkova	468

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 109, Is. 8, pp. 450-455, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.109.450
www.erjournal.ru

UDC 342.721

Features Consolidation and the Right to Freedom Personality in Law of Modern Russia

Alexander Kalyuzhnyi

Fellow of the Academy of Federal Security Service of Russia (Orel),
Academy of Federal Security Service of Russia, Russian Federation
302034 Orel Priborostroitel'naya Str., 35
PhD, Associate Professor
E-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

Abstract

The article substantiates the urgency of countering the spread of attacks on freedom of the individual; analyzes the provisions of the Russian legislation on the declaration, and securing the rights to freedom of the individual; a classification of the investigated legal acts; substantiates the content structure of each of the listed groups of regulations; the content of the right to freedom of movement and the prohibition of forced labor in the legislation of Russia, analyzes the limits of jurisdiction of the Russian Federation and its members in matters of freedom of the individual; The problems of the existing mechanisms for the implementation of the provisions of the investigated legal acts; the features of the current state of the legal regulation of the right to individual freedom and draws conclusions on the content of the article.

Keywords: Russian legislation, regulations, individual freedom, freedom of movement, slavery, forced labor, the mechanism of implementation.

Introduction

Changes in the socio-economic life of our society, growing unemployment and a decrease in the level of social protection of the population provoke the appearance of uncontrolled criminal migration processes involving kidnapping, trafficking, use of slave labor. International crime is actively used in our society processes, formed on the territory of Russia and CIS market is intense action to involve citizens in prostitution, pornography, trafficking in human beings and their organs, their use of slave labor.

Efficiency counteract these criminal attacks depends on the legal construction standards, particularly involving the implementation and guarantee the right to freedom of the individual in modern Russian law, the analysis of which allows them to be classified into the following groups: a) the norms of international law; b) the constitution of the Russian Federation; c) sectoral legislation of Russia; g) specialized legislation.

The international legal team of documents establishing the freedom of the individual, make regulations, which were adopted by the UN, the Council of Europe, other international organizations and ratified by the Russian Federation. Fundamental documents of this group are adopted by the General Assembly of the United Nations Universal Declaration of Human Rights of

1948, the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966 and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [1: 14-40].

Methods and methodology

The methodological basis for the study is based on the dialectical method of knowledge of social and legal phenomena, the unity of their social content and legal form, providing a scientific, comprehensive, organizational, functional and activity approach to the study of international law and domestic norms establishing and guaranteeing the right to personal freedom. The study authors used legal, sociological and other methods of scientific knowledge: logical, comparative legal, system analysis and modeling features can justify the implementation of international legal standards into domestic legislation of modern Russia.

Discussion

The basis of Russian legislation are the provisions of the Constitution, proclaiming and guaranteeing universally recognized principles and norms of international law the right of everyone to freedom (article 22) [2]. And as rightly identified in its judgment the Constitutional Court of the Russian Federation, this right implies the possibility to be free from the restrictions that are associated with the use of coercive measures as detention, arrest, detention or imprisonment in all other forms without envisaged in the law, sanctions the court, as well as over the established or controlled terms [3].

Also, the Russian Constitution guarantees everyone the right to move freely and choose their place of residence, as well as the right to freely leave the country and return to it (article 27). Freedom of movement, residence and place of residence is an essential element of individual liberty, an important condition for its free development, established as the norms of international law and the Constitution of the Russian Federation. This right, like other basic human rights and freedoms, is inalienable and belong to everyone from birth [4].

One of the inalienable rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation, and closely linked to the right to personal freedom is the freedom of labor and prohibition of forced labor (article 37). Freedom of labor should be seen as a universal constitutional and legal principles applicable to all types of work [5, p. 317]. The right to free labor, is recognized not only in Russia but also a number of international regulations, violation of which contain signs of crimes that infringe on the freedom of the individual as the use of slave labor, human trafficking, involvement in prostitution and organizing prostitution.

At the same time, the proclamation of the basic principles and norms of international law and the prohibition of their violation in the text of the Constitution of the Russian Federation does not mean their implementation. We need a clear and effective mechanism for realization of the above standards in the life of the citizens, which is based on delineation of authority between the Russian Federation and its subjects. So in n. «b» article 71 of the Russian Constitution stipulates that the exclusive jurisdiction of the Russian Federation is the regulation and protection of the rights and freedoms of man and citizen, at the same time n. «b» of article 72 of the Russian Constitution states that the joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects is to protect the rights and freedoms of man and citizen.

Thus, regulation of the rights and freedoms of man and citizen, referred to the exclusive jurisdiction of the Russian Federation, is a public and legal recognition of individual liberty, the establishment of its normative content, conditions and opportunities for the implementation of limitations. The joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects of the Russian Constitution assigns responsibility as public bodies and local authorities to ensure the implementation of the freedom of the individual, to eliminate obstacles as well as protection from possible violations.

Thus, the state determines the most effective measures to monitor the implementation of the constitutional provisions to ensure the freedom of the individual, developing activities in this area, provides a way of combating illicit restriction and deprivation of personal freedom.

At the same time, the Constitution establishes only the basic directions of activity of the state in the sphere of individual freedom, the provisions of which find their concretization in the norms of sectoral legislation in the sphere of individual freedom and countering its unlawful restriction or

deprivation. Power industry of legal acts in the context of certain earlier concepts of individual liberty, make documents governing freedom of movement. Among them, the Russian Federation Law «On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement and choice of place of residence within the Russian Federation».

Analyzed the law provides that every citizen of the Russian Federation, as well as persons who are not citizens of the Russian Federation legally residing in its territory, have the right to freedom of movement and choice of place of residence within the Russian Federation (article 1), prohibiting their illegal restriction or deprivation. In order to implement the rights and freedoms of Russian citizens considered the law introduces the register at the place of residence and place of residence (article 3), but is fixed, that the presence or absence of registration cannot serve as the basis for the restriction or condition for the realization of this right, as well as the grounds for regulated restrictions on the right to freedom of movement and choice of place of residence (article 8) [6].

One of the basic industry of legal acts in our coverage area is the Federal Law «On the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry to the Russian Federation», the preamble of which establishes the right of everyone to freely leave the Russian Federation and the right of Russian citizens to freely return to the country. Viewed Federal Law establishes the procedure for entry and departure from the country of citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons, prohibiting the restriction of these rights (article 2). In addition, the analyzed regulation contains a list of grounds, allowing to limit the right of Russian citizens to leave the country (article 15), and a list of reasons that do not allow the possibility of entry of foreign citizens or stateless persons (article 27) [7].

Analyzed normative acts embody the legal consolidation of international standards and the Constitution of the Russian Federation to freedom of movement and choice of place of residence, freedom of entry and exit in the country for the mechanisms for the implementation of these rights, and also contain the legal and not subject to an expanded interpretation of the list of reasons for their limitation.

International prohibition of slavery and legal basis of state guarantees of free labor, who found embodied in the Constitution of the Russian Federation, are detailed in the Labour Code. Freedom to work and the prohibition of forced its forms enshrined as fundamental principles of labor law (article 2). The Labour Code defines forced labor and transfers it to the form (article 4), regulates the basic rights and duties of the employee (article 21) and the employer (article 22), introduces the concept of working time and determines its duration (article 91), establishes labor guarantees of workers, defines responsibilities of the parties [8].

Thus, power industry regulatory acts detail the principle of individual freedom enshrined in international regulations, that complements the conceptual framework in this area, regulates the procedures for the implementation of individual liberty, it contains guarantees for its implementation and establishes a clear list of grounds for limiting freedom considered.

At the same time, combating illegal restriction or deprivation of personal freedom, except for international legal norms, the Constitution of the Russian Federation and the sectoral legislation is reflected in the regulations of normative legal acts, which are specialized legislation narrowly focused areas of its implementation, a limited period, the territory of the action, and so on.

For example, in order to implement the UN Convention against Transnational organized crime was adopted by Presidential Decree №1362 «On the central authorities of the Russian Federation responsible for the implementation of the provisions of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime, relating to mutual legal assistance» [9]. Considered by the Decree on the ministry of justice and the General prosecutor's office are obliged to provide legal assistance in civil and criminal cases, respectively, in the fight against transnational organized crime.

Presidential Decree №977 of June 17, 2008 «On the order of entry into the Russian Federation and exit from the Russian Federation, stateless persons, citizens of the USSR, and living in the Republic of Latvia and the Republic of Estonia», governed by specific issues of entry and exit from the Russian Federation certain categories of persons [10].

Government Decree №1142 dated October 1, 1998 «On the implementation of certain provisions of the federal law» on the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry to the Russian Federation approved by the Regulation on the registration in the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation, Regulations on the registration certificate to enter the Russian

Federation, Regulation on the registration of the invitation to the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons and others [11].

It is clear that special legal acts are governed by specific forms of implementation of the principle of individual freedom and specifies the order of the restriction or deprivation of liberty. At the same time, there are many other legal documents relating to the ad hoc group, which regulate the sphere of realization of narrowly focused and combating illegal restriction of personal freedom [12, 13, 14], the analysis of which, in our opinion, is inappropriate.

Results

1. Personal freedom is a fundamental, inalienable right of every person, the value of which is recognized and guaranteed the title documents of the international community.

2. After analyzing the foundations of securing the right to personal liberty in the legislation of modern Russia, we note that regulations in this area, with adjacent areas of regulation, can be roughly classified into the following groups: international regulations, the Constitution of the Russian Federation, branch and specialized legislation Russia.

3. Constitutional and legal provisions concerning the freedom of the individual, is the fundamental core of not only the establishment and proclamation of the right to personal freedom, but also the guarantor of the mechanism of realization of this right.

4. The effectiveness of the operation and implementation of the right to freedom of the individual depends on the legal and regulatory framework, based on a set of different levels of legal norms regulating legal relations related and associated with both the establishment of the test of law and responsibilities for securing compliance.

Conclusion

After securing the fundamental rights and freedoms of man and citizen, the international community has allocated among them, and the right to personal freedom, the value of which is indisputable. Acting as a State party of various international organizations, Russia has ratified a set of inter-state regulations, committing to bring its domestic legislation into conformity with the requirements of international law. Warranty of the right to freedom of the individual in the Russian Federation is provided by a set of internal regulations, reflecting the basic provisions of international law.

Литература

1. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 14-40.
2. Конституция РФ // СЗ РФ. 26.01.2009. №4. ст. 445.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 №14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина» // СЗ РФ. 24.06.1996. №26. ст.3185.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. №9-п «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СПС «ГАРАНТ».
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: Эксмо. 2010. С. 317.
6. Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. №152. 10.08.1993.
7. Федеральный Закон Российской Федерации «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 19.08.1996. №34. ст. 4029.
8. Трудовой Кодекс РФ // СЗ РФ. 07.01.2002. №1. ч.1. ст. 3.
9. Указ Президента РФ №1362 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, касающейся взаимной правовой помощи» // СЗ РФ. 01.11.2004. №44. ст. 4327.

10. Указ Президента РФ №977 от 17 июня 2008 г. «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации лиц без гражданства, состоявших в гражданстве СССР и проживающих в Латвийской Республике или Эстонской Республике» // СЗ РФ. 23.06.2008. №25. ст. 2959.

11. Постановление Правительства РФ №1142 от 1 октября 1998 г. «О реализации отдельных норм федерального закона «О порядке выезда из российской федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 12.10.1998. №41. ст. 5020.

12. Указ Президента РФ №773 от 13.05.2008 г. «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в связи с проведением в г.Москве в 2008 г. финального футбольного матча лиги чемпионов УЕФА» // СЗ РФ. 19.05.2008. №20. ст. 2291.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 935-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглова Тимофея Владиславовича на нарушение его конституционных прав статьей 9 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Вестник КС РФ. №6. 2009.

14. Распоряжение губернатора Санкт-Петербурга от 24.02.1998 №185-р «О мерах по реализации в Санкт-Петербурге Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. №4. 1998.

References

1. Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka. Sbornik dokumentov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1990.

2. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 26.01.2009. №4. ст. 445.

3. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 №14-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti pyatoi stat'i 97 Ugolovno - protsessual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboi grazhdanina V.V. Shchelukhina» // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 24.06.1996. №26. ст. 3185.

4. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 4 aprelya 1996 g. №9-p «Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada normativnykh aktov goroda Moskvy i Moskovskoi oblasti, Stavropol'skogo kraja, Voronezhskoi oblasti i goroda Voronezha, reglamentiruyushchikh poryadok registratsii grazhdan, pribyvayushchikh na postoyannoe zhitel'stvo v nazvannye regiony» // SPS «GARANT».

5. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii / pod red. V.D. Zor'kina, L.V. Lazareva. M.: Eksmo. 2010. S. 317.

6. Zakon Rossiiskoi Federatsii «O prave grazhdan Rossiiskoi Federatsii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelakh Rossiiskoi Federatsii» // Rossiiskaya gazeta. №152. 10.08.1993.

7. Federal'nyi Zakon Rossiiskoi Federatsii «O poryadke vyezda iz Rossiiskoi Federatsii i v"ezda v Rossiiskuyu Federatsiyu» // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 19.08.1996. №34. ст. 4029.

8. Trudovoi Kodeks Rossiiskoi Federatsii // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 07.01.2002. №1. ch.1. ст. 3.

9. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii №1362 «O tsentral'nykh organakh Rossiiskoi Federatsii, otvetstvennykh za realizatsiyu polozhenii Konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii protiv transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti, kasayushcheysya vzaimnoi pravovoi pomoshchi» // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 01.11.2004. №44. ст. 4327.

10. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii №977 от 17 июня 2008 г. «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации лиц без гражданства, состоявших в гражданстве СССР и проживающих в Латвийской Республике или Эстонской Республике» // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 23.06.2008. №25. ст. 2959.

11. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii №1142 от 1 октябрия 1998 г. «О реализации отдельных норм федерального закона «О порядке выезда из российской федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 12.10.1998. №41. ст.5020.

12. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii №773 ot 13.05.2008 g. «O poryadke v"ezda v Rossiiskuyu Federatsiyu i vyezda iz Rossiiskoi Federatsii inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v svyazi s provedeniem v g. Moskve v 2008 g. final'nogo futbol'nogo matcha ligi chempionov UEFA» // Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 19.05.2008. №20. st.2291.

13. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 16.07.2009. №935-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kruglova Timofeya Vladislavovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ei 9 Federal'nogo zakona «O poryadke vyezda iz Rossiiskoi Federatsii i v"ezda v Rossiiskuyu Federatsiyu» // Vestnik KS RF. №6. 2009.

14. Rasporyazhenie gubernatora Sankt-Peterburga ot 24.02.1998 №185-r «O merakh po realizatsii v Sankt-Peterburge Federal'nogo zakona «O poryadke vyezda iz Rossiiskoi Federatsii i v"ezda v Rossiiskuyu Federatsiyu» // Vestnik Administratsii Sankt-Peterburga. №4. 1998.

УДК 342.721

Особенности закрепления и реализации права на свободу личности в законодательстве современной России

Александр Николаевич Калужный

Академия ФСО России, Российская Федерация
302034 г. Орел ул. Приборостроительная д. 35
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kaluzniy-a-n@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается актуальность противодействия распространению посягательств на свободу личности; анализируются положения российского законодательства в сфере провозглашения и закрепления права на свободу личности; проводится классификация исследуемых правовых актов; обосновывается содержание структуры каждой из классифицированных групп нормативных правовых актов; раскрывается содержание права на свободу передвижения и запрет принудительного труда в законодательстве России, анализируются пределы ведения Российской Федерации и ее субъектов в вопросах обеспечения права на свободу личности; исследуются проблемы действующих механизмов реализации положений исследуемых правовых актов; рассматриваются особенности современного состояния правового регулирования права на свободу личности, и делаются выводы по содержанию статьи.

Ключевые слова: законодательство России, нормативные правовые акты, свобода личности, свобода передвижения, рабство, принудительный труд, механизм реализации.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 109, Is. 8, pp. 456-461, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.109.456
www.erjournal.ru

UDC 930.85

Religious Studies and Anti-Religious Propaganda in USSR in 1920-1930s

Marianna M. Shakhnovich

Saint-Petersburg State University, Russian Federation
Mendeleevskaya liniya 5, St. Petersburg 199034
Dr. (Philosophy), Professor
E-mail: m.shakhnovich@spbu.ru

Abstract

The article shows, that in 1920- 1930s simultaneously with the anti-religious propaganda, the history of world religions and religious movements, anthropological and sociological studies of religion, the history of religious freethinking and atheism were carried out. The systematic work on the study of the religious beliefs and practices in everyday life has been designed and created on the basis of large scale field research in accordance with the achievements of modern theoretical works. There were two groups inside the academic community with opposite views on the nature and sense of religious studies: one group, explored the opportunity to make the research without clerical censorship, wanted to study religion as a cultural phenomenon, using different methodological approaches including Marxism, and understood the expression “critique of religion” in the philosophical sense as a historical and sociological analysis. The majority of them did not deny the Marxist idea of the gradual disappearance of religion in secularized world. Another group – of left political radicals – sought only to expose religion, looking for evidence of possible exposure. Among the works on the history of religion, published in the Soviet period, it is necessary to distinguish between the works done with the exclusive purpose for propaganda, from the works in which the free investigation and academic research might be found inside the ideologically and politically correct chains of that time.

Keywords: religious studies, anti-religious propaganda in USSR, ethnography, anthropology.

Introduction

The problem of the relationship of science and power is one of the most pressing issues discussed in the last fifty years by the philosophers and sociologists from Michel Foucault (“Archaeology of Knowledge”, 1969 and “Discipline and Punish”, 1975) to Bruno Latour (“Science in Action”, 1987), as well as by historians and sociologists of science. The different aspects of the relations of science, humanities and ideology during Soviet period have been thoroughly analyzed already, except religious studies and its history. Was it possible for the science of religion to survive in the atmosphere of anti-religious propaganda and the repression towards religious organizations and believers? Here and there during the last several years in some publications, especially in the texts of the authors whose research interest laid only in the history of the prosecution of the believers in Soviet period one may read that there was no study of religion in Soviet Union in 1920-

1930s and there was only the anti-religious propaganda [1]. But it is not true to facts. The end of 1920s to and the beginning of 1930s was a very important period in the history of Russian science of religion. A large group of scholars, historians and anthropologists mainly, promoted their research. At that time, simultaneously with the anti-religious propaganda, the history of world religions and religious movements, anthropological and sociological studies of religion, the history of religious freethinking and atheism were carried out. The desire of scholars to study religion and preserve religious artefacts as cultural assets clashed with the views of the Party's ideologists, which saw any research into religion as advocating its practice. Sometimes only way out was to explain the need to study religion in order to debunk it, and phrases about antireligious propaganda often became an 'ideological justification' for the scientific research. The systematic work on the study of the religious beliefs and practices in everyday life has been designed and created on the basis of large scale field research in accordance with the achievements of modern theoretical works.

Materials and Methods

The article is based on the archival materials, first of all, on the funds of the Archive of the Russian Academy of Science, as well as on the printed materials of the time. One of the methodological principles of research is to review the anti-religious propaganda as clearly structured purposeful spiritual influence, the practice of using the discipline and control of thinking and behavior that have been previously characterized only to the religious institutions, but found a new life in an era of cultural development of the 1920s. An important part of the study is the consideration of the "epistemic" principles of anti-religious propaganda associated with the idea of a constant "struggle of ideas" and the need to participate in it.

Discussion

Since the 1990s, many documents on the complex relations between the state and religious associations in the Soviet period were published, revealing the tragic pages of the history of persecution for religious beliefs. However, despite the interest in critical reflection of the process of formation of the Soviet ideological model, the modern researchers did not look over the possibility of religious studies in the context of the overall objectives of the Soviet cultural development, focusing mainly on its "destructive" aspect in anti-religious propaganda.

To understand the public mood and intellectual atmosphere of the era, it is important not to break away from the historical context, to understand the characteristics not only of the ideological clichés, but also of polemical discourse. One ought to analyze not only official documents of the period, but also personal documents – letters, diaries. For example, a writer and scholar Lydia Ginzburg wrote in her diary in 1928: "At the moment it is wrong to divide our historians into those who use sociological methods, and those who do not use them. We should be divided into those, whose sociological methods are immediately rewarded by higher positions, money and glory, and those, whose sociological methods are not rewarded" [2, 30]. At that time the social and anthropological approaches were the main stream of the study of religion in Soviet country as well as in the same studies in Europe. Among the scholars of that time we may see the followers of Weber and Durkheim, as well as supporters of Neo-Kantianism, Cassirer mainly, as well as those whose interest laid in social psychology of Levi-Bruhl [3]. Naturally, some of the scholars were atheists, some of them were agnostics, but they support the principle of freedom of conscience, which they regarded not only as religious freedom, but also as the right to be an unbeliever. Some of them, as we got to know now, were religious people, but both atheists and believers, perceived the "antireligious propaganda" of 1920-1930s and the "scientific atheism" of 1960-1980s as ideological norms, imposed from above, as the result of ongoing Cultural Revolution.

The aim of the Soviet cultural revolution of 1920-1930 was to create a "new human being", who completely "has thrown off religious chains". Implementation of this idea began in 1922 after the publication of Lenin's article "On the Significance of Militant Materialism", which identified the main directions of the upcoming ideological work. One of the important tools for the implementation of the project for "creation of a new man" free from religion, was the periodical press, and, first of all, the newspaper "Bezbojnik" (Atheist). From the Society of Friends of the newspaper "Bezbojnik" in 1925 the Atheists Union was organized. It was a public organization

united together youth activists, agitators and party propagandists. In the new situation of the separation of church and state and school from the church and the secularization of church and monastic estates, the main task of that organization was the struggle for non-religious way of life and a new culture, education, science and public life free from religious influence and censorship. In July 1918, the Constitution of the RSFSR for the first time in the history of Russia fixed by law the right of a citizen to be a nonbeliever or an atheist.

In 1922, on October 30 in Minsk at the ceremonial meeting of the Belarusian University the famous specialist in the field of primitive beliefs and religions of the ancient world, Nicolas Nikolsky in his report "Religion as a subject of science" described the science of religion (religious studies) as a young scientific discipline that emerged in the late 19 century, designed to solve the deep problems of cultural history and had a great future. He stressed that the freedom was needed for the non-stop development of that new science. It might have the possibility to flourish only in the society with the freedom of consciousness. The historians of religion ought to have not only formal, but completely real possibility to do their studies, as well as chemists, physicists, mathematicians, linguists and ethnologists without any pressing of church and state. As we know now his expectations were not realized. Russian science of religion was born in imperial Russia, when there was the church ideological censorship and developed under the Soviet censorship.

Of course, the regiment of vulgar sociological views was very heavy in the religious studies of the 1920-1930s. In the majority of texts published in the Soviet Union, the point of view that religion in society depended on the interests of certain social groups and classes, and linked to their political and ideological struggle prevailed. However, it was believed that religion had certain independence and economic reasons did not directly cause changes in its development, on the contrary, it may influence the changing of the economic base. The study of every religion was implied in the context of specific historical conditions and in connection with the study of the society in which it functioned. Of course, all the works in the field of social sciences and humanities bore the stamp of the era, which manifested itself in linguistic clichés, methodological approaches, and cited authorities. However, among the works on the history of religion, published in the Soviet period, it is necessary to distinguish between the works done with the exclusive purpose for propaganda, from the works in which the free investigation and academic research might be found inside the ideologically and politically correct chains of that time.

From two and a half thousand books and articles listed in the catalog "Soviet anti-religious literature from 1917 to 1930", more than 30 % of publications were done as a serious academic study [4; 5; 6]. Within the so-called "Soviet Religious studies" has never been a complete ideological unity, and that is why it is impossible to smear all the authors writing about religion the same paint. You may find a lot documentary evidence that the contradictions between those, who engaged exclusively in anti-religious propaganda, and those, who wanted to carry out scientific research, arose systematically in 1920-1930 as well as in Khrushchov's time. For example, a well-known propagator of antireligious ideas S.L.Ursynovich in 1928 stated: "We should ... raise the issue of the need to have such ethnographic studies in which ethnographers at the same time will serve to the objectives of the anti-religious movement. For us it is difficult to find it now. ... This summer, I had to go on an expedition to the Crimea to one of our ethnographers; I need him to assist me for collecting of materials. When he learned, that antireligioznik (anti-religious activist) arrived, he said that he had finished his field work already, and he did not have any opportunity to help me" [7, 33].

Some modern authors name both V.V. Bonch-Bruevich and F.M. Putintsev who published texts on sectarianism in 1920-1930s "scholars" [8, 120-121], but the difference in their approach is easy to figure out just to open their books, or look through the archival materials showing the ideological discussions of the time. For example, in 1928 F.M. Putintsev at a meeting of the Communist Academy in Moscow stated the following: "When we ask comrade Bonch-Bruevich, how he is looking at sectarians, Bonch-Bruevich says that, despite of all the shortcomings, he believes that the sectarians belong to the best part of the Russian people. More populist answer is impossible to imagine. What does it mean? Do we have the poor? We have. Do we have *kulaki* (reach peasants)? Yes, we do. So why now, when at the head of the sectarians there are *kulaki*, when we ask Bonch-Bruevich to oppose sects, he cannot. When the Party entrusted Bonch-Bruevich to protect the sects from the priests and from the state church and gendarmes, he defended them superbly. And when sectarians try to use their activity against us, when there are

kulaki between the sectarians, who play a huge role and they are against us, we do not find support from Bonch-Bruевич personally" [9, 39]. Another political activist, the editor in chief of the magazine "Atheist at the machine" I.N. Stukov put it more clearly: "You cannot say that the sects are not our enemies. No, they are our enemies, it is definitely our enemies. "The sectarian-democrat", as the bearer of the democratic (i.e., bourgeois) values is the enemy of the socialist proletarian revolution. Bonch-Bruевич is in trouble – the profession has left its mark on him, and he became a kind of sectarian by himself" [9, 97-98].

One of the most vivid example of the development of the academic studies of religion in the middle of the 1930s is the activity of the research group headed by Nikolai Mikhailovich Matorin (1898-1936), who played a particularly important role in the planning, organisation and conduct of research into the religious beliefs and faiths of the various peoples of the USSR.

From the autumn of 1928 until December 1934 Matorin was the main organiser and inspiratory for research into religion in Leningrad, working in various areas: education, the collection of materials, exhibitions, research and propaganda. In 1930 Matorin became director of the Museum of the Anthropology and Ethnography, and in 1933 he was elected director of the USSR Academy of Sciences' Institute of Anthropology and Ethnography. Matorin organised, as was customary at the time, a research group (or panel) to study the history of so-called 'cults', i.e. everyday religiosity. Members of the group met regularly for evening sessions in the faculty of geography of Leningrad University. Lecturers, students, museum workers and propagandists from the League of Militant Atheists took part in the sessions, many coming especially for the event from different regions of the USSR. The backbone of the group consisted of Matorin's closest fellow workers and students, as well as colleagues of his that were working on similar issues.

The group changed its name and place of 'residence' several times, to suit the convenience of its director, who, like many scholars in those years, was working at several institutions at once. From Leningrad University, the group meetings moved first to the State Academy for the History of Material Culture, where in August 1929 Matorin was employed as a researcher, and then to the Institute for the Study of the Peoples of the, where Matorin was appointed deputy director. In September 1934 the group moved under the aegis of the Museum of the History of Religion, changing its name to the 'Panel for the Study of the Religions of the Peoples of the USSR'.

This is what Vladimir Bogoraz-Tan, director of the MHR, wrote about the work of Matorin's research group: "The panel predominantly focused its attention on the study of religious syncretism, and engaged a series of historians of religion, ethnographers, archaeologists and folklorists in its work. In addition, the panel built up a significant network of correspondents, made up of researchers across the USSR, particularly in the national republics and the regions, with whom an extremely vibrant, constant connection was forged. Branches of the panel have been formed in Moscow (at the Central Antireligious Museum), Kalinin, Voronezh and Cheboksary. The panel is continuing its work of many years to map everyday religion in various regions of the country (Chuvash *keremets*, Ossetian *dzuars*, pre-Christian sacred groves in the Leningrad, Moscow, Voronezh and Northern regions, etc.). The panel has compiled two collections of articles from papers read at its meetings: 'Religious Syncretism' and 'Religious Beliefs in the Leningrad Region' " [10, 13-14].

It is necessary to tell that by the mid-1920s there were two groups inside the academic community with opposite views on the nature and sense of religious studies: one group, explore the opportunity to make the research without clerical censorship, wanted to study religion, using different methodological approaches including Marxism, and understood the expression "critique of religion" in the philosophical sense as a historical and sociological analysis (the majority of them did not deny the Marxist idea of the gradual disappearance of religion in secularized world), and another group – of left political radicals – sought only to expose religion, looking for evidence of possible exposure.

Conclusion

In conclusion, we want to say, that while speaking about the influence of atheistic ideology on the humanities in Russia it is necessary to speak about the specific transformation of the Enlightening project. The result of the implementation of that project, whether it was victorious or failure, is a topic of another discussion. But we need to look on the history of Soviet religious

studies in the context of the secularization process started in Europe in 16th century, which gave the scholars the possibility to study religion without any preconditions, due to the freedom of consciousness, which is not only the religious freedom but the freedom to be a nonbeliever.

Acknowledgements

The publication was prepared with the support of the grant of Russian Science Foundation № 16-18-10083 “The Study of Religion in Social and Cultural Context of the Epoch: the History Religious Studies and Intellectual History of Russia 19th- first half of 20th century”.

References

1. Shakhnovich M.M. Ehtos istorii nauki: o rekonstrukcii rossijskogo religiovedeniya sovetskogo perioda. [The ethos of the history of science: the reconstruction of the Russian Soviet period] // Gosudarstvo, religiya i tserkov' v Rossii i za rubezhom 2015. № 1. P. 185-198.
2. Sawitzki S.A. Chastnyj chelovek. L.Ya. Ginzburg v konce 1920-h-nachale-1930-h godov. [Private person. L. Ginzburg in the late 1920s and early 1930s.] St. Petersburg, 2013.
3. Shakhnovich M.M. Ocherki istorii religiovedeniya. [Essays on the history of religion.] St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2006.
4. Glan Ya. Antireligioznaya litreatura za 12 let. [Anti-religious literature for 12 years (1917-1929)]. M., 1930.
5. Glan Ya. Antireligioznaya litreatura. Oktjabrskii period. [Anti-religious literature. October period (1929-1930)]. M., 1930.
6. Glan Ya. Antireligioznaya litreatura. Pooktjabrskii period. [Anti-religious literature. After October period.] M., 1932.
7. Arkhiv Rossiiskoi Akademii Nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences] Register 350. Case 2. Inventory number 388.
8. “Nauka o religii”, “nauchnyj ateizm”, “religiovedenie”: aktualnye problem nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX – nachala XXI v. [“The science of religion”, “scientific atheism”, “religious studies”: actual issues of the scientific study of religion in Russia XX - early XXI century] / Ed. K.M. Antonov. M.: PSTGU, 2014.
9. Arkhiv Rossiiskoi Akademii Nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences] Register 350. Case 2. Inventory number 336.
10. Shakhnovich M.M. Sektsiya po izucheniyu religii narodov SSSR pri Muzee istorii religii Akademii nauk SSSR (1934 g.). [Section for Study of Religions of the USSR Nations at Museum of the History of Religion of Academy of Sciences of USSR]. Gosudarstvo, religiya i tserkov' v Rossii i za rubezhom, 2013. № 1. P.199–216.
11. Sankt-Peterburgskii Filial Arkhiva Rossiiskoi Akademii Nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. Fund 221. Register 2. Inventory number 41.

УДК 930.85

Религиоведение и антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920–1930 гг.

Марианна Михайловна Шахнович

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5
Доктор философских наук, профессор
E-mail: m.shakhnovich@spbu.ru

Аннотация. В статье показывается, что 1920-1930-е гг. в СССР одновременно с активной антирелигиозной пропагандой, проводились исследования по истории и антропологии религии, современным религиозным движениям, истории религиозного свободомыслия и атеизма. Систематическая работа по изучению религиозных верований и повседневных религиозных практик велась, как на основе масштабных полевых антропологических исследований, так и опираясь на достижения современных, в том числе

и западных, теоретических трудов. В академическом сообществе тех лет существовало две группы авторов, пишущих о религии, но имеющих противоположные взгляды на природу и смысл самого изучения религии. Одна группа, пользуясь полученной возможностью проводить исследования в области религии без клерикальной цензуры, стремилась изучать религию как часть культуры, используя различные методологические подходы, включая марксизм и понимая выражение «критика религии» исключительно в философском смысле как исторический и социологический анализ. При этом, большинство из принадлежавших к этому кругу исследователей не отрицало марксистскую идею о постепенном исчезновении религии в секуляризированной мире. Другая группа – левые политические радикалы, которые стремились только разоблачать религию и искали основания для такого разоблачения. Среди работ, опубликованных по истории религии в советский период, следует различать работы, написанные исключительно с целью пропаганды, и научные труды, в которых творческие идеи и ценные научные достижения излагались в пределах идеологически возможных рамок конкретной эпохи.

Ключевые слова: религиоведение, антирелигиозная пропаганда в СССР, этнография, антропология.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 109, Is. 8, pp. 462-467, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.109.462
www.erjournal.ru

UDC 34

The Concept of "Decentralization" and its Various Interpretations

Habiba M. Zhurabekova

Andijan state university, Uzbekistan
Usta Shirin Str., 80, Andijan city 170137
Applicant
E-mail: tj2211@inbox.ru

Abstract

This article discusses the concept of "decentralization" and its definition. The author dwells on the different opinions of scientists on issues of decentralization and tries to find the main core of this concept. Analyzing different opinions concluded scientists that despite the different interpretations of the concept of decentralization, all scientists will eventually converge into a single view that decentralization – this is the gradual transfer of certain powers and functions of the central state authorities to the local authorities. The issue of decentralization has become one of the main areas of the Republic of Uzbekistan after independence policies. Activities of government began considered as one of the basic institutions of civil society. The country started a radical transformation and began allowing the gradual transfer of certain functions of the problem of local government to the executive power bodies.

Keywords: decentralization, democratic state, civil society, public institutions, Central and local authorities.

Введение

Человеческое общество с каждым днём меняется, развивается и обретает всё новые и новые изменения. Главной целью развития гражданского общества является создать необходимые условия для реализации прав и свобод каждого гражданина общества, обеспечить участие каждого члена общества в разрешении разных проблем местного характера. Децентрализация способствует усилению активизации гражданских инициатив и создаёт более благоприятные условия для непосредственного участия граждан в общественно-политической жизни общества.

Наша основная цель – изучение понятия "децентрализация". Объектом изучения данной статьи является мнения и определения различных учёных этого понятия и разные её интерпретации, обобщение разных трактовок этого понятия. Научная новизна этой статьи заключается в том, что нет готовой модели децентрализации. Но на всех уровнях и во всех странах успех децентрализации зависит от активного участия граждан в жизни общества. Именно правильный подход и осуществление процесса децентрализации обеспечивает эффективность системы управления.

Материалы и методы

В данной статье мы пользовались методами описания, контекстуального анализа, сравнения и сопоставления. На основе сопоставления идёт обобщение и конкретизация понятия.

Обсуждение и результаты

Децентрализация даёт возможность членам общества реализовать свои идеи и возможности, исходя из необходимой ситуации. Развитие должно осуществляться в интересах самих граждан и их усилиями. Путём активного участия органов местного самоуправления, неправительственных организаций и других институтов гражданского общества децентрализация создаёт широкие возможности для участия граждан в принятии решений, влияющих на их жизнь. Активное участие населения в общественных процессах повышает эффективность и предсказуемость принимаемых решений и проводимой политики, а это, в конечном итоге, обеспечивает устойчивость доходов населения и их возможностей.

"Централизация" и "децентрализация" играют важную роль в не только в политической жизни государства, но и в обеспечении условий развития гражданского общества.

Понятия децентрализация изучается разными учёными и каждый старается более подробно рассматривать этот процесс.

В. Робсон рассматривает процесс как "изменение структуры и финансирования местной власти, изменение отношений между центральной и местной властью, передача полномочий управления местным представительным органам". Он считает, что "децентрализация должна обеспечивать местные органы управления самостоятельными полномочиями и повысить ответственность государственных служащих" [1, с. 76-164].

Японский учёный М. Мураматсу исследует вопрос децентрализации, исходя из Модели Ивасаки по децентрализации, где анализируется три уровня децентрализации. Он считает, что в целом все модели децентрализации практически действенны. Но они в основном основаны на юридическую теорию и в них политическая концепция очень ограничена. [2, с. 205]

По мнению В. Васильева децентрализация является важнейшим механизмом эффективного управления. Автор рассматривает процесс децентрализации как "децентрализация решений". При этом он подчёркивает, «если речь идёт о демократическом государстве, то это государство должно дать свои полномочия местным органам до такого уровня, что использование этих полномочий должны принести огромные результаты в интересах общества. Процесс децентрализации в демократических и тоталитарных государствах существенно отличается. При тоталитарном государстве этот процесс не осуществляется до конца и не даёт желаемого результата. Он осуществляется всего лишь на бумагах и это ограничивает творческий подход местной власти, вся работа осуществляется на основе определённых стандартов. В свою очередь, население тоже не старается особенно активизировать свои действия, и, если смотреть на это со стороны, то жизненный уровень населения остаётся одинаковым для всех. В демократических государствах осуществление мер по децентрализации сопровождается активным участием всего населения, в результате чего с каждым днём улучшается жизненный уровень того или иного народа» [3, с. 9].

Как отмечает Т. Фаллети, децентрализация – это, «в первую очередь, совокупность действий, которые осуществляются самим же государством при передаче определённых компетенций центральной власти местным органам управления». При этом автор подчёркивает, что здесь «процесс децентрализации не включает в себя передачу функций негосударственным организациям» [4, с. 3-27].

По определению В. Рональда и С. Пола децентрализация – это взаимоотношение центральных и местных органов управления в следующих трёх взаимосвязанных отраслях:

1. Экономическая отрасль, которая требует большие административные и финансовые полномочия;
2. Качественные социальные услуги, которые требуют развития взаимоотношений местных органов и с центральными и с региональными органами власти;
3. "Эффективное государственное управление" [5, с. 95-178].

В английском эквиваленте "эффективное государственное управление" звучит как "good governance" и означает следующее:

- во-первых, при "good governance" государственное управление строится на основе распределения власти, народной власти, избрания высоких чиновников, отчёта исполнительных органов власти, преимущества закона, политического плюрализма и самостоятельности средств массовой информации;

- во-вторых, своевременное достижение высоких результатов на основе мудрого и экономичного использования социальных ресурсов. Всё это касается деятельности государственных служащих центральных и местных органов управления.

Экономист Г. Саидова считает, что «децентрализация предполагает передачу части функций от центральных к местным органам власти, расширение взаимодействия с институтами гражданского общества». [6, с. 5]

По определению С.Сафаева «децентрализация – это делегирование определённых функций государственного управления низовым структурам, местным органам власти. Приближение органов управления к объектам управления и через это повышение качества исполнения функций власти. Она включает в себя четыре главных вектора перераспределения функций и полномочий:

1. От исполнительной – к другим ветвям власти.
2. От центра к регионам.
3. От правительства – негосударственным экономическим структурам.
4. От правительства – к гражданскому обществу» [7, с. 26].

Таким образом, децентрализации - это делегирование определённых (или некоторых) функций государственного управления низовым структурам, местным органам власти, а дальше -органам самоуправления граждан.

Децентрализация включает в себя:

- во-первых, процесс связанный с реформой государственной системы управления, с либерализацией и повышением эффективности управления, который осуществляется постепенно и долго;

- во-вторых, процесс, где путём передачи местным органам власти политическую власть, административные функции и финансовые обязанности меняется взаимоотношения между центральными и местными органами власти;

- в-третьих, политический процесс, который связан с поэтапным созданием системы местных органов государственного управления, конечной целью которого является создание муниципальных структур управления.

При этом, учитывая сильные стороны процесса децентрализации, необходимо помнить и о слабых сторонах данного процесса(таблица 1).

Таблица 1. Сильные и слабые стороны децентрализации:

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
Продвигает демократию, так как децентрализация обеспечивает условия для активного участия местных граждан в процессах принятия решений	Отсутствие контроля со стороны центрального правительства может привести к усилению риска движения местной элиты. Это движение может принести вред демократии
Повышает качество и эффективность оказанных услуг. Передача полномочий местным властям даёт возможность минимизировать различные официальные преграды	Отсутствие контроля может привести к понижению качества оказанных социальных услуг
Самостоятельность местного управления, подотчётность перед избирателями и способность оперативного отношения возникшим проблемам даёт возможность повысить качество социальных услуг	Ограничение местных ресурсов и возможностей оказывает отрицательное влияние на качество социальных услуг

Понимание региональных возможностей способствует ускоренному социально-экономическому развитию определённого региона	Интересы местного населения могут остаться под угрозой развития коррупции и межрегионального неравенства
Прозрачность в деятельности местной власти обеспечивает своевременную подотчётность и возможность своевременного реагирования к возникшим местным потребностям населения	Может привести к пустым обещаниям, которые могут дать местные власти не учитывая свои возможности
Обеспечивает возможность равномерного учёта интересов в принятии решений политических, этнических, религиозных и культурных групп	Может привести к усилению этнических и религиозных конкуренций
Обеспечивает активное участие местных граждан в осуществление социальных программ на региональном уровне. Повышает национальное единство и обеспечивает политическую стабильность	Неравномерное развитие регионов может привести к социальному неравенству и ослаблению государства. А это приведёт к деградации национального управления финансовыми ресурсами
Приведёт к внедрению новых политических идей и прогрессивных программ развития	Усиление риска консерваторских взглядов местной элиты может привести к ущербу интересам возникшим от креативности местной власти
Повышает активность, инициативу, креативность и стремление к новаторству представителей местного управления и их избирателей	

Накануне нового тысячелетия в Республике Узбекистан в качестве приоритетных задач были определены новые задачи строительства гражданского общества, приняты ряд нормативных документов по демократизации и модернизации страны: в области государственного строительства и управления, по реформированию и дальнейшей либерализации судебно-правовой системы и деятельности средств массовой информации и общественных организаций. В стране были осуществлены ряд мер по пути участия граждан в социально-политических процессах, осуществляемых после обретения независимости. Когда речь идёт о процессах децентрализации и модернизации общества в Республике Узбекистан необходимо обратить внимание на труды Президента Республики Ислама Абдуганиевича Каримова, который стал инициатором всех реформ, осуществлённых и осуществляемых и по сей день в стране. Президент Республики в своих трудах как "Узбекистан по пути углубления экономических реформ"(1995), "Родина священна для каждого" (1996), "Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса" (1997), "Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране" (2010) и во многих других работах не раз подчёркивает о необходимости постепенной децентрализации и модернизации общества.

Долгосрочная концепция децентрализации и модернизации демократического общества был разработан по инициативе Президента Республики И.А.Каримова, исходя из мировой практики и из национальных особенностей узбекского народа, опирающийся на ценности общечеловеческого и национального развития. Как отмечает Ислам Каримов: "Достаточно много внимания уделялось вопросам децентрализации управления, передачи части функций от республиканского уровня органам областного, городского и районного уровня, формированию в Узбекистане такой уникальной системы местного самоуправления, как махалля" [8, с. 4]. Правительством Республики стало уделяться большое внимание на постепенную передачу функций и полномочий местным органам власти и органам самоуправления.

Заключение

В последнее десятилетие во многих странах наблюдается постепенный переход к децентрализации – передача функций, полномочий и ответственности центральных государственных органов местным органам власти. Децентрализация всё больше рассматривается как процесс прямого вовлечения местных сообществ в формирование и финансирование общественных программ, повышения эффективности деятельности административной структуры власти.

Исходя из опыта развитых стран и анализируя мнения учёных, можем прийти к следующему выводу, что децентрализация – это долгий процесс, который должен осуществляться постепенно и систематично. Нет готовой модели децентрализации для определённого государства. Каждый народ и каждое государство, руководствуясь теорией и опытом международного сообщества, учитывая свои национальные особенности, может осуществить процесс децентрализации и построить демократическое общество.

Литература

1. Робсон В. Кризис местного правительства. Лондон: «George Allen Unwin LTD», 1966, с. 76-164.
2. Мураматсу М. Местная власть в Японском государстве. Калифорния: «University of California Press, Ltd». 1997. с. 205.
3. Васильев В.И. Местное самоуправление. Учебное и научно-практическое пособие. М.: Юринформцентр, 1999. с. 9.
4. Фаллети Т. Последовательная теория децентрализации и его влияние на баланс сил во взаимоотношении между органами государственной власти: на примере Латинской Америки в сравнительной перспективе. 2004, с. 3-27. <http://www.nd.edu/~kellogg/publications/workingpapers/WPS/314.pdf>. (дата обращения 7 марта 2016 г.)
5. Рональд В. и Пол. Международный Банк Реконструкции и Развития Децентрализация в Восточной Азии. Вашингтон, 2005. с. 95-178.
6. Саидова Г. Вступительное слово // Национальный доклад о человеческом развитии, 2005 // Децентрализация и человеческое развитие. Ташкент, 2006. ScanWeb, Финляндия, с. 5.
7. Сафаев С. К вопросу децентрализации и совершенствовании государственного управления. // Жамият ва бошкарув. 2013. № 1. с. 26.
8. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан 12 ноября 2010 г. Ташкент: Ўзбекистон, 2010, с. 4.

References

1. Robson V. Krizis mestnogo pravitel'stva. London: «George Allen Unwin LTD», 1966, s. 76-164.
2. Muramatsu M. Mestnaya vlast' v Yaponskom gosudarstve. Kaliforniya: «University of California Press, Ltd». 1997, s. 205.
3. Vasil'ev V.I. Mestnoe samoupravlenie. Uchebnoe i nauchno-prakticheskoe posobie. Moskva: Yurinformtsentr, 1999, s.9.
4. Falleti T. Posledovatel'naya teoriya detsentralizatsii i ego vliyanie na balans sil vo vzaimootnoshenii mezhdu organami gosudarstvennoi vlasti: na primere Latinskoi Ameriki v sravnitel'noi perspektive. 2004, s.3-27. <http://www.nd.edu/~kellogg/publications/workingpapers/WPS/314.pdf>. (data obrashcheniya 7 marta 2016 g.)
5. Ronal'd V. i Pol. Mezhdunarodnyi Bank Rekonstruktsii i Razvitiya Detsentralizatsiya v Vostochnoi Azii. Vashington: 2005, s. 95-178.
6. Saidova G. Vstupitel'noe slovo // Natsional'nyi doklad o chelovecheskom razvitii, 2005 // Detsentralizatsiya i chelovecheskoe razvitie. Tashkent, 2006. ScanWeb, Finlyandiya, s. 5.
7. Safaev S. K voprosu detsentralizatsii i sovershenstvovaniy gosudarstvennogo upravleniya. Zhamiyat va boshkaruv, № 1, 2013, s. 26.
8. Karimov I.A. Kontseptsiya dal'neishego uglublenniya demokraticeskikh reform i formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v strane. Doklad na sovmestnom zasedanii

Zakonodatel'noi palaty i Senata Oliy Mazhlisa Respubliki Uzbekistan 12 noyabrya 2010 g. Tashkent: Ўzbekiston, 2010, s. 4.

УДК 34

Понятие "децентрализация" и её различные трактовки

Хабиба Мадаминовна Журабекова

Андижанский государственный университет, Узбекистан

170137 г. Андижан, улица Уста ширин 80

Соискатель

E-mail: tj2211@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «децентрализация» и её определения. Автор останавливается на различных мнениях учёных по вопросам децентрализации и старается найти основной стержень этого понятия. Анализируя различные мнения учёных делается вывод о том, что несмотря на различные трактовки понятия децентрализации, все учёные, в конечном итоге, сходятся в едином мнении, что децентрализация – это и есть постепенная передача некоторых полномочий и функций центральными государственными органами управления к органам местной власти. Вопрос децентрализации стал одним из основных направлений политики Республики Узбекистан после обретения независимости. Деятельность органов самоуправления стала рассматриваться как один из основных институтов гражданского общества. В стране начались коренные преобразования и постепенно стали разрешать проблему передачи определённых функций местных органов исполнительной власти органам самоуправления.

Ключевые слова: децентрализация, демократическое государство, гражданское общество, общественные институты, центральные и местные органы власти, эффективное управление, участие граждан.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 109, Is. 8, pp. 468-477, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.109.468
www.erjournal.ru

UDC 002.2:004

Genesis and Foredoom of Digital Books

Milena I. Tsvetkova

Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Bulgaria
1000 Sofia, 49 Moskovska Str.
PhD in Sociology, associate professor
E-mail: milenaic@uni-sofia.bg

Abstract

This research defends the thesis that digital books reduce the characteristics of the communication medium “book” and are transforming into “non-books”. Two aspects are traced: the foredoom to failure of the commercial (paid) digital book and the end of the digital book in the “book” category. Symptoms for the failure of the commercial digital book are the drop of growth in the market of e-books, the transformation of the book from goods into service, being free of charge, parental and teacher’s resistance. Key factors in this resistance are compromising knowledge and teaching and violating readers’ rights. The reason for the failure of the digital book in the “book” category is determined – the factor of manipulating the content as well as the formats. The conclusion is that investment policies should be directed at publishing of printed books, the designed innovations should be orientated towards the physical issue and to be introduces in the paper and the printing.

Keywords: digital book, ebook, book publishing, e-publishing, future of books.

Введение

Дамоклов меч висит и может обрушиться на дигитальную книгу. Этой метафорой мы хотели бы подготовить рецептивную атмосферу понимания тезиса настоящего изложения, а именно – дигитальная книга совсем не является эманацией дигитальных произведений, она не есть благонадежная и „бессмертная“. За последние 4-5 лет возникло поле негативных обстоятельств, дающих сигнал необходимости проверки гипотезы о конце дигитальной книги как книги – сигнал разпада категории „книги“ и ее движения к „не-книге“. Ключевым двигателем этой тенденции являются технологические инновации в модусе „подрывных технологий“, если последние мы отнесем к амбициям дигитальной книги быть более успешным носителем знания, чем физическая книга.

Определение „дигитальной книги“ будем понимать как любой цифровой формат письменного произведения, предназначенный к чтению на дисплее всех стационарных и мобильных устройств. Мы избегаем употребления термина „электронной книги“ (e-book) по двум причинам. Во-первых, из-за набирающего скорость в повседневности дублирования наименования технического устройства „чтца электронных книг“. И во-вторых, потому что применять определение „дигитальной“ к цифровизированным книгам по аналогии с

другими объектами терминологической семьи – „дигитальной медики“, „дигитальной грамотности“, „дигитальной революции“, „дигитальной эры“ и пр. – более корректно.

Препятствием возможности найти решения в этом исследовании был вопрос – почему массовый взгляд является вполне противоположным, считая, что невозможно прийти к концу дигитальной книги. Масса людей может быть имеет основание надеяться, что дигитальные книги ожидают светлое будущее, поскольку они на пути достижения мечты читателей – иметь удобство, переносимость, бесплатность, выбор, неиссякаемость, мультимедийность. Мы считаем, что другая помеха объективного оценивания проявляется в отсутствии общепринятой научной дефиниции дигитальной книги (ebook). В качестве успешной попытки сформулировать правовую дефиницию можно иметь ввиду данную британским Digital Economy Act 2010 дефиницию: произведение электронной формы, отличающееся от аудиокниги, содержащее в себе преимущественным образом (или комбинацию) письменное или высказанное слово или статические изображения. Но традиционалам трудно согласиться, что в „книге“ речь может иметь место.

1. Гипотеза исследования. Сейчас мы рассмотрим логические основания гипотезы о конце дигитальной книги:

⇒ Конец дигитальной книги совершенно формально наличен, поскольку исходя из генеалогической логики, эта книга имеет и свое начало. В 1971 году Майкл С. Харт дает старт своему проекту „Гутенберг“ и дигитализирует „Декларацию независимости“ США, чем и создает первую е-книгу в мире.

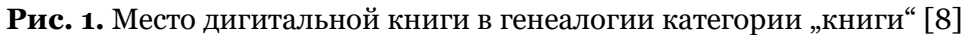
⇒ Конец дигитальной книги может случиться, поскольку она есть всего лишь эволюционная фаза общенаучной категории „книги“ – тем же самым образом, каким пришел и конец глиняной книги, папирусной книги, каким же приходит и конец Брайлевой книги (рис. 1).

⇒ Конец дигитальной книги можно принять по аналогии с концом не меньшего к сегодняшнему дню числа „мертвых“ языков, взятых в их аутентичном звучании – как санскрит, шумерский, аккадский (ассиро-вавилонский), древнеегипетский, арамейский (язык Иисуса).

⇒ Конец дигитальной книги может иметь место и по аналогии с концом азбуки Морзе и других „мертвых“ технологий – телетекста, аудиокассет, массового Walkman, цифровых фотоаппаратов для моментальных фотографий Polaroid, пейджера. Как задается и конец жестких дисков. Как прогнозируют и конец чтеца е-книги.

⇒ Конец дигитальной книги – это ее „разыгрывание“, т.е. ее превращение в игру. Электронные чтцы и планшеты уже размывают границу между игрой и чтением, между игрой и учением, между игрой и экзаменированием.

⇒ Конец дигитальной книги можно увидеть в ее открытости к изменчивому содержанию, т.е. она превращает себя в оперативный канал для текущего, непостоянного цифрового содержания.

2. Симптомы и причины конца коммерческой дигитальной книги. Преход стадия „print-capitalism“ (где „печать слов“ оказалась коммерческим средством обогащения) к стадии бесплатности („freeeconomic“) осуществляется множасьимися сегодня моделями добровольного, необязательного оплачивания. Опции читателей в интернете –

„оплачивайте, сколько хотите“, „попробуйте до покупки“ и пр. говорят о симптомах конца коммерческой цифровой книги.

2.1. Себестоимость цифровой книги. С позиции активного и независимого болгарского издателя финансово-обоснованное производство цифровой книги без печатной версии – немыслимо. Инвестировать в цифровую книгу равно инвестированию в печатную, но без расходов на бумагу и печать. Производя самостоятельную цифровую книгу (цены около 6 лв.), издатель терпит убытки по двум причинам: (а) доля прибыли продажи цифровой книги, относимая к издателю, выходит всего на всего на 30 %, что не окупает инвестицию и (б) потому что за год продают не больше 6 экземпляров.

2.2. Налог на продажи мобильных устройств коммуникации – смартфонов, планшетов, чтцов е-книги (это намерения правительства Франции 2013 г.), тоже сказывается на причине конца платной цифровой книги.

2.3. Внезапное снижение прироста рыночной цифровой книги в периоде 2012-2013 г. есть симптом конца платной цифровой книги. Группа итальянских специалистов рыночных ebooks и агенция рыночной информации AT Kearney объявили статистические данные о США (2011-2012) на конференции „If Book then“ (The future of publishing) в Милано 19 марта 2013 г. от имени Bookrepublic.it. Их исследование очевидным образом показывает совершенно новую динамику роста цифровой книги на рынке США. В отличии от недавнего прошлого, в период 2011–2012 г. прирост уменьшается и достигает всего лишь 32 % (а в Европе прирост достигает невероятных 200 %). Это значит, что если мы идем вслед за страной, которая задала большие надежды на прибыль от цифровых книг, то мы должны иметь ввиду сопровождающие их стихание энтузиазма и успокоение прогноз [5]. Вероятно интерес к стандартным цифровым книгам достиг уже своего критического порога.

2.4. Нестабильная цена цифровой книги есть также и симптом конца платной цифровой книги. Еще в 2013 г. рекордное снижение средней стоимости заголовков из списка цифровых бестселлеров стало популярным рефреном. Динамический рынок цифровых книг в США свидетельствует об этих изменениях. Первое рекордное снижение средней стоимости цифровых книг отметили в апреле 2013 г. – \$8,00 в начале месяца и \$6,58 в конце месяца. Через неделю отметили повышение стоимости снова на \$8 (рис. 2). То есть всего лишь за неделю средняя стоимость бестселлера меняется на 25 % относительно крайней стоимости [9]. Каталина Сабева, директор болгарской литературной агенции „Антея“ делает важное заключение: „Медленный, но неуклонный ход стоимости вниз есть бесспорная рыночная тенденция е-книги. Пример – в июне (2013 г. – прим. авт.) средняя стоимость была \$6,77, а в августе она уже \$6,53. Такой тенденции на рынке бумажной книги нет“ [2].

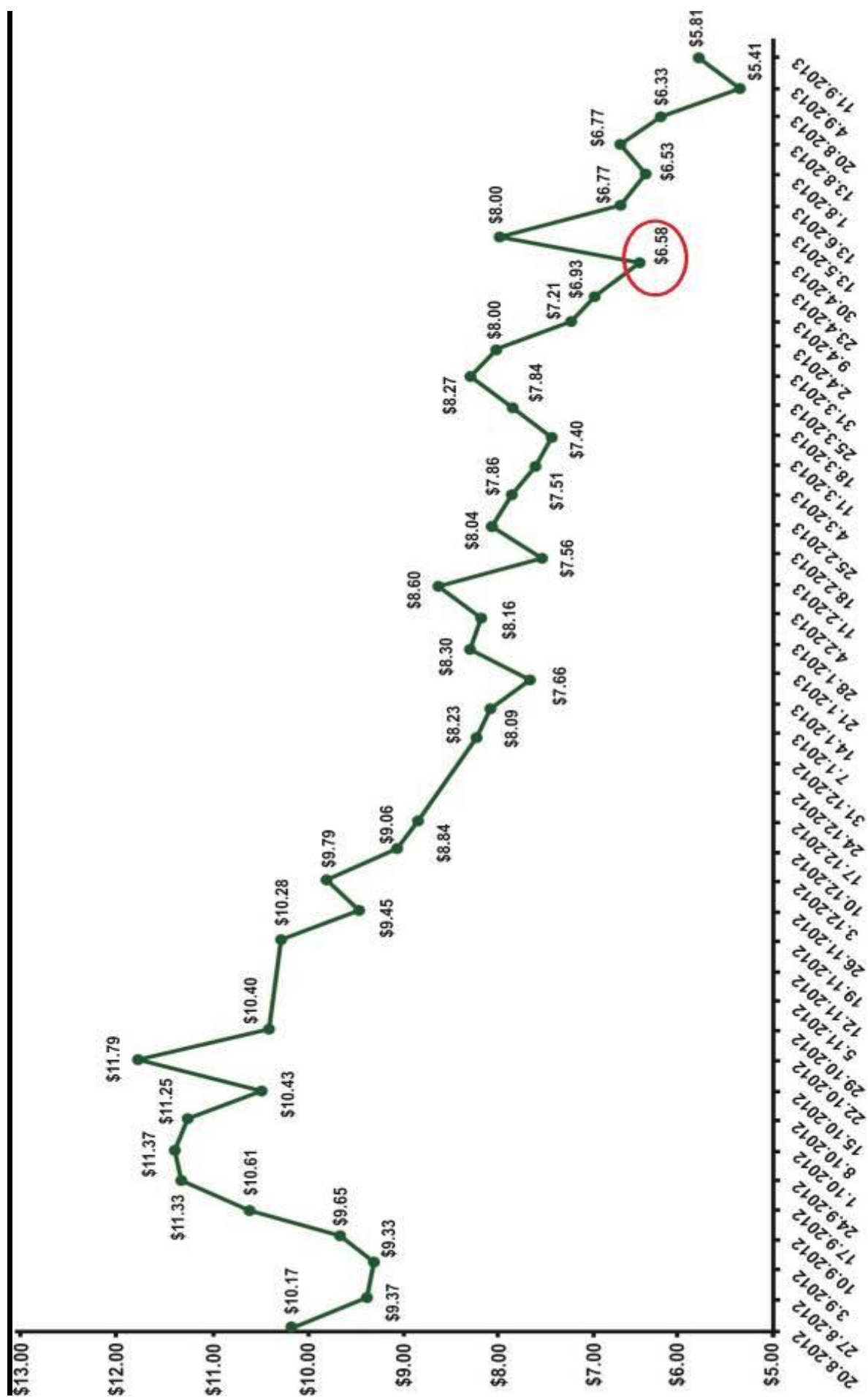

Рис. 2. Первое рекордное снижение средней стоимости е-книг (апрель 2013 года)

2.5. Рост поиска бесплатных дигитальных книг. За тенденциями онлайн интереса к бесплатным книгам можно следить при помощи инструмента Google Trends. Пример: поиск „электронных книг“ на болгарском языке за год – с мая 2012 до мая 2013 г. указывает на активность поиска „бесплатных электронных книг“, его повышение выходит на 250 %.

2.6. Абонаментные дигитальные книги. Конец коммерческой дигитальной книги приходит за счет превращения книги-товара в книгу-услугу, по аналогии с библиотечным обслуживанием, оплачиваемым на месяц и на год. На шаг до бесплатности располагаются нарастающие услуги абонаментного доступа к дигитальным книгам, обслуживающим читателей на принципе стриминг технологии – Oyster, Scribd, Read Petite, Kindle Unlimited Amazon'a. Дефакто читатели платят не за книги, а за чтение удобными и современными мобильными устройствами.

2.7. Бесплатный электронный аналог покупки печатной книги. Симптомом конца платной дигитальной книги являются услуги Amazon Matchbook Amazon'a. Последняя предлагает низкие цены дигитального аналога в сравнении с покупкой печатных книг. *BitLit* предлагает бесплатный электронный аналог имеющейся у читателя книги, высланной с фотографией и с личной подписью. Либо предлагает дешевую цену аналога. „Бесплатность – это просто делать деньги другим способом“, как выясняет нам это один из постулатов доклада „Anarconomy“ Копенгагенского института исследования будущего, 2009 г. „Все, что можно дигитализировать, будет дигитализированным, а цена дигитальных товаров склоняется к нулю“, написано еще в докладе касательно тенденций до 2025 г. Такой же прогноз дает и британский писатель Ивэн Моррисон в своем докладе на международном фестивале книги в Эдинбурге (2011): „рано или поздно е-контент будет бесплатным, хотим мы это или не хотим“ [10].

2.8. Нарушение прав читателя. Читатель – это основной фактор системы книги, у него способность изменять книгоиздание. Существует гипотеза, что там, где имеют ввиду права читателя, там и появляется стимул быстрого развития самого книгоиздания. И наоборот – нарушение прав читателя может привести к провалу некоторых нововведений революционных издательских бизнес-моделей, а также и к провалу нововведений конкретных книгоиздательств. В настоящий момент мы можем зарегистрировать 7 векторов нарушения читательских прав дигитальной книгой: 1) ограничение свободы клиента-читателя; 2) книги срока годности, непрочные и „самоубивающиеся“ книги посредством технологии „цифровой смерти“ (digital death); 3) пропажа файла дигитальной книги (book disappear); 4) шпионаж читательского поведения и незащищенность личной информации; 5) вмешательство в модальность линейного чтения, вставление реклам в дигитальные книги; 6) рост ошибок в дигитальных книгах; 7) зависимости от технического устройства, от электропоставки и пр. Сейчас мы рассмотрим некоторые из перечисленных моментов.

2.9. Дигитальная книга ограничивает свободу читателя. Покупая дигитальной книги Amazon'ом, люди нуждаются в идентификации клиента, в примерной лицензии, которая ограничивает использование книги; формат (файлов) книги скрытый и чтобы читать – нужно иметь софтвер; копировать книги невозможно, невозможно также перепродать или отдать в займ; невозможно ее распечатать и заново получить файлы, если у нас новое устройство или если обнаружим в нем повреждение. У Amazon'a есть возможность дистантно удалить книгу. Дефакто читатель не покупает книги, не имеет книги, он платит только за доступ к книге.

2.10. Дигитальная книга допускает шпионаж читательского поведения, незащищенность личной информации. Электронный чтец собирает информацию о читателе и его привычках. Человек имеет право читать в уединении и быть анонимным. С печатной книгой это возможно – читатель может заплатить наличными за книгу, может ее спрятать, прочитать или не прочитать. Платформы как Amazon и Google могут следить, анализировать и раскрывать информацию о своих потребителях, которые покупают дигитальную книгу.

2.11. Недовольство внедрением реклам в дигитальные книги. Существуют предположения, что конечная цель Amazon в том – сделать все книги бесплатными, но вводить в них рекламы. Это приведет к уничтожению независимости письменности и культуры книги. Весь смысл написания книги изменится. Вместо того, чтобы быть договором между писателем и читателем, книга становится зависимой от спонсоров, за

которыми нужно ухаживать книгами. Конец игры провозглашает: то, что не получает рекламы, не будет опубликовано.

2.12. Рост ошибок в дигитальных книгах тоже серьезный симптом конца коммерческой дигитальной книги. Сюда входит и продажа дефектных, „испорченных“ книг, и рост недовольства читателей – нарастание рекламаций, требования рамбурирования или компенсации за „проблемные“ книги. Не менее важна и проблема неглижирования пагинации дигитальных книг. Читатель – исследователь, аналитик, ученый, юрист и т.н. – нуждается в цитатах и точных координатах, в точной локализации данного цитата, которой нельзя манипулировать и которая остается одной и той же для всех читателей мира. Дигитальные книги для электронных чтецов вытесняют человека на границу хаоса доказательственного материала.

2.13. Экспертный и родительский отпор дигитальным книгам. Можно заметить определенную политику воздержания от дигитальной книги для детей. Исследование грамотности Национальным трестом в Объединенном королевстве с 15 мая 2013 г. впервые установило, что дети больше читают на компьютерах и других электронных устройствах (iPad и Kindle), нежели читать печатные книги, журналы, газеты и комиксы. А это потенциально опасно для их грамотности чтения. Джонатан Дуглас, директор Треста, заявил: „мы озабочены констатацией, что дети, читающие с экрана, не являются ни сильными читателями, ни сильными учениками“. Трест настаивает, чтобы родители обеспечивали своим детям книги в печатной форме, если им важно иметь детей, которые читают со страстью и которые достигают в школе полного своего потенциала. Призывали к внимательному балансированию доступа к книгам, читаемым благодаря технологии, и к воздержанию от дигитальных книг для детей [6].

2.14. Читательский отпор дигитальным книгам. Студенты США требуют печатных учебников, а не электронных чтцов. На протяжении 4 года, результаты 3-х исследований – с 2008, 2010 и 2011 г. – устанавливают одинаковую настроенность – американские студенты относятся к дигитальным книгам без энтузиазма; 75 % от студентов продолжают выбирать печатные учебники [7]. Этой лояльности к бумажным изданиям соответствуют две причины: 1) Некомфортабельность форматов дигитальных книг и экранов чтцов при специфическом студенческом и исследовательском чтении. Большинство чтцов электронного чернила (e-ink) предназначены своим проектированием в основном к чтению художественной литературы, а потребностей студентов вообще не предусматривали. 2) У существующих электронных чтцов несовершенный потребительский интерфейс, сами инструменты делать примечания ограниченные и без удобства, ими невозможно сортировать файлов и папок. 3) Дигитальные книги непригодные для запоминания сложных концепций. Напротив, читатели поделились тем, что они впадают в „моменты электронного забвения“. 4) В любом случае мы категорически не можем себе представить „кучу“ дигитальных книг.

3. Причины конца дигитальной книги как „книги“. Дигитальная книга есть новый *medium* – природно и морфологически новый носитель меди и его нужно очень осторожно оценивать именно в этом его понимании. Дигитальный подход издания содержания не есть перебрасывание содержания, не есть некоторый аналог печатной книги. Предпечатный файл не есть дигитальная книга. Она сама новый род книги, новая парадигма умения писать и читать.

Но есть граница, вне которой дигитальная книга перестает быть книгой. Что значит перешагнуть границу категории „книги“? Мы начнем с медиологической дефиниции книги – форматированный *medium* для восприятия прочных идей и знания [3, с. 69]. Другими словами, осмысление книги как меди бесспорно требует закрыть, фиксировать, закончить, финализировать книгу и принять ее неизменную дуалистическую целостность (форму и содержание). Самая серьезная причина аннулировать дигитальную книгу в качестве „книги“ – это фактор изменяемости, непостоянности содержания. И так, когда именно дигитальная книга перестает быть „книгой“?

3.1. Открытый для манипуляции формат. Дигитальная книга перестает быть „книгой“, когда она рушит свой дефинитивный признак „форматированной среды“ и переходит в „открытый“ тип меди – в некое продолжение издания в электронной форме (согласно статистическому определению болгарского НСИ) [1, с. 4]. Это когда дигитальная книга престаает быть „книгой“ по дефиниции и переходит в „открытый“ для манипуляции формат

– переходит в так названный *continually updated resource* (постоянно обновляющийся ресурс).

3.2. Открытое для манипуляции содержание. Тогда, когда дигитальная книга допускает манипуляцию своим содержанием, мы с основанием можем говорить о конце книги. Пример того как дигитальные гипертекстовые форматы поддаются содержательным изменениям дает нам Умберто Эко своими гипотезами чтения романов „Война и мир“ и „Анна Каренина“: если отдать читателю власть менять сюжет, поучение, аксиому, то закон жизни можно релятивизировать опасным образом [4, с. 279]. Можем дать и другой пример манипуляции содержанием в дигитальной среде – это рекламные клипы болгарского мобильного оператора Vivacom (мобильная кампания вышедшая в свет 23.04.2013 года). Слоган компании таков: „Ты сам создаешь свою сказку“, в нем продемонстрированы своеволия, которые читатель своей властью может свершить, он может изменить классические сказки „Красная шапочка“, „Баба Яга“, „Пиноккио и Поросянок“.

3.3. Поточность, нелинейность дигитальной услуги, стриминг. Рыночные тенденции инновационного книгопечатания указывают на то, что дигитальная книга все больше убегает от дефиниции „книги“. Новые флексибельные продукты все реже соответствуют понятию „электронного издания“ – „документ, изданный в машинночитимой форме, предназначенный для публичного потребления; который включает в себя опубликованные базы данных и прикладной софтвер; можно его записать на бумагу, на магнитные, оптические или другие носители, предназначенные для обработки компьютером или другим подобным устройством.“ (БДС-EN ISO 9707: 2001). Именно тогда, когда книги становятся „эмиссиями“, когда вливаются в персональные компьютеры, подобно новинарскому потоку RSS каналов или лентам Facebook, мы можем говорить о конце книги как документа. Книги „сжижились“ и благодаря абонаментным моделям доступа к дигитальной книге (Oyster, Scribd, Read Petite), обслуживающим читателей при помощи безлимитного содержания стриминг-технологии. Вливание книги в качестве системы в другие медийные системы делает классическую дефиницию книги-артефакта неприменимой.

Заключение

Дигитальные книги постепенно расплавляют характеристики средства „книги“. Совершенно невозможно, чтобы игровые компоненты и визуальные эффекты выполняли функции письменного слова. Если указанные здесь прогнозы окажутся оправданными, то мы можем остаться без „книги“. Возможно мы чаще будем видеть экстравагантное в недавнем нашем понимании антикризисное объявление: „Продаем дигитальные книги в печатном формате“. Поэтому исследования и инвестиционные политики нужно направлять в сторону традиционного издателя печатной продукции – он единственный кто продолжает производить „книги“. Судя по анализам рыночных симптомов и социально-психологических причин для пессимистического будущего коммерческой дигитальной книги, книгоиздатель следует осознать, что его процветание связано только с офлайн средой и что совершенно напрасно ему ожидать прибыли от дигитальных книг. Он должен внедрять инновации не в цифровые издания, а в физические бумажные и печатные произведения.

Литература

1. Книгоиздаване и печат 2011. Национален статистически институт. София, 2012.
2. Събева, Каталина. Безспорна тенденция на пазара на електронни книги е бавният, но сигурен ход на цената надолу [Електронен ресурс]. // Лира, 11.09.2013. – URL: <http://lira.bg/?p=52152> (дата обращения: 21.03.2016)
3. Цветкова, Милена. Книгата като медия. София: Enthusiast, 2012. 600 с. (Tsvetkova, Milena. The Book as Medium. Sofia: Enthusiast, 2012. 600 p.).
4. Эко, Умберто. От Интернета к Гуттенбергу: Текст и гипертекст // Общество и книга: От Гуттенберга до Интернета. Москва, 2000. с. 275–279.
5. Bonfanti, Giovanni. A.T. Kearney – Bookrepublic: Do Readers Dream of Electronic Books? [Электронный ресурс]. // IfBookThen, 23.03.2013. URL: <http://www.ifbookthen.com/category/speakers-mi-2013-2> (дата обращения: 21.03.2016)

6. Children's on-screen reading overtakes reading in print [Электронный ресурс] // National Literacy Trust: Literacy news, 16.05.2013. URL: http://www.literacytrust.org.uk/news/5372_children_s_on-screen_reading_overtakes_reading_in_print (дата обращения: 21.03.2016)
7. Collegiate Research Services is now OnCampus Research! // OnCampus Research, 19.04.2011; College Students Prefer Print Over Digital Textbooks // OnCampus Research, 25.05.2010.
8. Darwin's Library, 19.04.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://darwinslibrary.com/2010/04/evolution-not-extinction> (дата обращения: 21.03.2016)
9. Ebook Best-Seller Prices Tick up After All-Time Lows [Электронный ресурс]. // Digital Book World, 18.09.2013. URL: <http://www.digitalbookworld.com/2013/ebook-best-seller-prices-tick-up-after-all-time-lows> (дата обращения: 21.03.2016)
10. Ewan Morrison. Are books dead, and can authors survive? (Edinburgh international book festival) [Электронный ресурс]. // Guardian, 22.08.2011. URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2011/aug/22/are-books-dead-ewan-morrison> (дата обращения: 21.03.2016).

References

1. Knigoizdavane i pechat 2011. Natsionalen statisticheski institut. – Sofiya, 2012.
2. Sabeva, Katalina. Bezsporna tendentsiya na pazara na elektronni knigi e bavniyat, no siguren khod na tsenata nadolu [online] // Lira, 11.09.2013. Available from: <http://lira.bg/?p=52152> (accessed 21.03.2016)
3. Tsvetkova, Milena. The Book as Medium. Sofia: Enthusiast, 2012. 600 p.
4. Eko, Umberto. Ot Interneta k Guttenbergu: Tekst i gipertekst // Obshchestvo i kniga: Ot Gutenberga do Interneta. Moskva, 2000. s. 275–279.
5. Bonfanti, Giovanni. A.T. Kearney – Bookrepublic: Do Readers Dream of Electronic Books? [online] // IfBookThen, 23.03.2013. Available from: <http://www.ifbookthen.com/category/speakers-mi-2013-2> (accessed 21.03.2016)
6. Children's on-screen reading overtakes reading in print [online] // National Literacy Trust: Literacy news, 16.05.2013. Available from: http://www.literacytrust.org.uk/news/5372_children_s_on-screen_reading_overtakes_reading_in_print (accessed 21.03.2016)
7. Collegiate Research Services is now OnCampus Research! // OnCampus Research, 19.04.2011; College Students Prefer Print Over Digital Textbooks // OnCampus Research, 25.05.2010.
8. Darwin's Library [online], 19.04.2010. – Available from: <http://darwinslibrary.com/2010/04/evolution-not-extinction> (accessed 21.03.2016)
9. Ebook Best-Seller Prices Tick up After All-Time Lows [online] // Digital Book World, 18.09.2013. Available from: <http://www.digitalbookworld.com/2013/ebook-best-seller-prices-tick-up-after-all-time-lows> (21.03.2016)
10. Ewan Morrison. Are books dead, and can authors survive? (Edinburgh international book festival) [online] // Guardian, 22.08.2011. Available from: <http://www.guardian.co.uk/books/2011/aug/22/are-books-dead-ewan-morrison> (accessed 21.03.2016)

УДК 002.2:004

Генезис и обреченность дигитальных книг

Милена И. Цветкова

Софийски университет „Св. Климент Охридски“, България
1000 София, ул. Московска №49
Доктор социологии, доцент
E-mail: milenaic@uni-sofia.bg

Аннотация. Исследование защищает тезис, что дигитальные книги производят редукцию характеристик коммуникационного средства „книги“ и превращают себя

в „не-книги“. Здесь прослежены два аспекта: первый, это обреченность провала коммерческой (платной) цифровой книги; второй относится к концу цифровой книги как категории „книги“. Симптомы неуспеха коммерческой цифровой книги проявляют себя в снижении рыночного прироста е-книги, в изменении определения книги от товара в услугу, в ее бесплатности, в родительском и читательском отпоре. Ключевые факторы этого отпора мы видим в компрометировании познания и учебы и в нарушении читательского права. Можно указать и на причину провала цифровой книги как категории „книги“ – фактор манипулируемости и содержанием, и форматами. Вывод таков: инвестиционные политики нужно направлять к изданию печатных книг, а дизайнерские инновации нужно ориентировать на физические издания и выложить их на бумагу и в печать.

Ключевые слова: цифровая книга, электронная книга, издательское дело, электронное издательство, будущее книг.